

Приказ Се Юня был явно более весомым, чем у Лю Суйцзе, и стража снова двинулась вперёд, но тут они услышали, как Дань Чао суровым голосом произнёс:

— Это потому, что во мне есть боевые искусства, чтобы противостоять яду! Ситуация наследного принца критическая, я только что использовал внутреннюю энергию, чтобы вывести большую часть отравленной крови, но если не продолжить, остаточный яд попадёт по кровеносным сосудам в пять органов-хранилищ и шесть органов-чертогов, и тогда даже божество не сможет помочь!

Лю Суйцзе быстро подошёл и взглянул: лицо наследного принца было золотисто-бледным, губы сине-чёрными — яд явно был в неизвестно сколько раз сильнее, чем он себе представлял. Он мгновенно опешил.

Се Юнь холодно произнёс:

— Кто может поручиться, что ты используешь внутреннюю энергию действительно только для того, чтобы помочь наследному принцу вывести яд?

Эти слова, по сути, попали в самую точку, но Дань Чао вообще не обратил на него внимания:

— Если с наследным принцем прямо на ваших глазах что-то случится, все будут нести ответственность. Кто из вас, господа, готов взять на себя такие последствия?

Его спокойный, уверенный взгляд обвёл присутствующих, и все, кого он касался, без исключения отводили глаза.

Дань Чао холодно заявил:

— Я буду очищать отравленную кровь наследного принца до прибытия придворных лекарей. Если с наследным принцем случится любая беда, я готов немедленно последовать за ним в могилу!

Никто не ожидал, что столько высокопоставленных сановников и влиятельных особ сможет быть приведено в немое оцепенение одним монахом. В зале воцарилась тишина на несколько мгновений, после чего Лю Суйцзе наконец принял решение, с досадой топая ногой:

— Немедленно действуй! Командир Се, сейчас дело касается жизни и смерти, прошу тебя проследить со стороны!

Се Юнь не ответил, только мельком взглянул на Дань Чао.

В этот момент дальнейшие препятствия со стороны Се Юня выглядели бы слишком подозрительно, поэтому он мог лишь хранить молчание — Дань Чао тоже это понимал, и в его сердце мгновенно промелькнула тень отвращения.

Дворцовые интриги и скрытая борьба при дворе были неизбежны, но спокойно наблюдать, как подросток на твоих глазах борется со смертью, не только оставаясь безучастным, но и препятствуя другим оказать помощь — какое жестокое и чёрствое сердце для этого нужно?

Однако сейчас было не время разбираться в этом. Дань Чао быстрыми шагами подошёл к наследному принцу и кратко сказал:

— Ваше высочество, прошу прощения за дерзость.

С этими словами он одной рукой сжал его горло.

Наследный принц, хотя сознание его было уже не совсем ясным, в полудреме, казалось, понимал, что Дань Чао может его спасти. Его губы с усилием несколько раз сомкнулись, в глазах вспыхнул молящий свет.

Неизвестно, действительно ли из-за внешнего сходства или по какой-то другой причине, но под этим взглядом в сердце Дань Чао внезапно возникло чувство, похожее на жалость — он с лёгкой насмешкой над собой прогнал это ощущение и снова привёл в движение внутреннюю энергию, заставляя её давить. Сердцебиение наследного принца резко участилось, и он снова выплюнул несколько глотков чёрной крови.

Цвет отравлённой крови постепенно сменился с тёмного на светлый, и в конце вышла почти алая кровь. Наследный принц тяжело закашлял и слабо произнёс:

— Воды...

— Ваше высочество! Ваше высочество миновал опасность! Быстрее, скорее подайте воды!

В зале мгновенно воцарилось ликование, несчётное число чиновников одновременно вздохнули с облегчением, и на их лицах невольно появились улыбки. Лю Сюйцзе быстрыми шагами подошёл вперёд, схватил руку наследного принца и сдавленно произнёс:

— Господин...

Он повернулся к Дань Чао, казалось, собираясь выразить благодарность, как вдруг дверь с грохотом распахнулась, и вбежал спотыкаясь главный евнух:

— Старейшина! Беда! Императорская гвардия нашла кое-что в комнате ученика мастера Чжюаня — Синь Чао. Взгляните!

Едва слова были произнесены, всех присутствующих поразило изумление, лицо Дань Чао резко изменилось.

Лю Сюйцзе вскричал:

— Что?!

Евнух с глухим стуком упал на колени, высоко подняв поднос. Теперь все вокруг, вытянув шеи, могли ясно разглядеть: на подносе лежали две вещи — небольшой свёрток, завернутый в жёлтую бумагу, с щепоткой ярко-красного порошка, и другая вещь, которая, к ужасу, оказалась нефритовой подушкой.

Инкрустированная золотом, искусно сотканная, с девятью фениксами, вышитыми алой шёлковой нитью, настолько реалистичными, что никто не мог не узнать — это типичная вещь внутреннего дворцового производства.

В императорской семье мать, олицетворяющая Поднебесную, та, кто может использовать феникса, — ясно как день, кто это.

Лица всех присутствующих мгновенно стали очень неприятными — ещё при предыдущем императоре принцесса Гаоян вступила в связь с монахом Бяньцзи именно потому, что воры украли из его комнаты нефритовую подушку принцессы, и тогда тайная связь раскрылась.

После этого среди знатных женщин стало много тайных связей с высокими монахами, некоторые даже содержали монахов и даосов в качестве любовников, и какое-то время это даже стало модным.

А нынешняя императрица У из-за желания управлять дворцом и слушать доклады давно не любила наследного принца, препятствовавшего её приходу к власти, что не было секретом ни при дворе, ни в народе. Если бы императрица У действительно имела какие-то амурные отношения с этим красивым монахом Синь Чао, а дело об отравлении наследного принца было бы связано с императрицей...

Леденящий холод мгновенно пробежал по позвоночнику каждого.

В зале воцарилась гробовая тишина. Лю Сюйцзе почти бросился к евнуху, дрожащими пальцами взял щепотку ярко-красного порошка.

— ...Мышьяк, — прохрипел он. — Мышьяк!

— Дерзкий демон-монах! — Лю Сюйцзе резко повернулся, гневно крича:

— Люди! Утащите этого осквернившего задние покои, покушавшегося на жизнь наследного принца демона-монаха!

Стража уже остолбенела, услышав этот крик, они будто очнулись ото сна.

Дань Чао инстинктивно отступил на полшага назад, затем, стиснув зубы, ухватился за край стола, чтобы успокоить дух, и громко произнёс:

— Где доказательства? У меня нет этих вещей, они не из моей комнаты!

— Из одной и той же миски с кислым фруктовым супом ты выпил — и ничего, наследный принц выпил — и отравился, какие ещё нужны доказательства?! — Лю Сюйцзе яростно отчитал стражу:

— Немедленно действуйте!

Стража поспешно двинулась вперёд. Дань Чао снова отступил на полшага, чуть не наступив на лежащего за ним при смерти наследного принца.

Мышьяк вообще не был его, нефритовая подушка тоже была чистой выдумкой. Только сейчас Дань Чао осознал, что незаметно для себя попал в ужасную ловушку.

Тогда... Его острый взгляд слегка прищурился, но ум работал быстро: с того момента, как мастер Чжиюань приказал ему подать кислый фруктовый суп, и до изъятия нефритовой подушки и мышьяка — вся эта интрига была направлена лично против него или случайно против любого монаха, подававшего наследному принцу еду в этот день?

Если против него, то чего добивался заговорщик?

И что ещё важнее: почему наследный принц отравился, а он — нет?!

Сейчас время было сжато, не позволяя больше размышлять. Видя, как несколько стражников быстрыми шагами приближаются, первой реакцией Дань Чао было не сдаться без боя, а — оказать жёсткое сопротивление.

Он и сам не знал, откуда в его душе в мгновение ока вспыхнула такая свирепость. Казалось, инстинкт загнанного зверя, борющегося до конца, был глубоко укоренён в костном мозге с давних времён, лишь временно приглушённый двухлетней жизнью в монастыре с утренним колоколом и вечерним барабаном. Но в критический момент он с рёвом возродился из каждого кровеносного сосуда.

Рука Дань Чао оторвалась от края стола. Никто не заметил, что в тот миг вся его ладонь вдруг мелькнула тусклым чёрным светом, а затем поднялась вперёд —

Се Юнь сказал:

— Остановись.

Взгляд Дань Чао стал острым.

Но Се Юнь даже не взглянул на него, лишь поднялся и направился к людям. Куда бы он ни шёл, вся стража осторожно замирала на месте.

Походка Се Юня не замедлилась, взгляд ни на ком не останавливался. Он игнорировал полный боли и отчаяния взгляд Лю Суйцзе, прямо подошёл к стоящему на коленях с подносом евнуху и спросил:

— Кто сказал, что императрица осквернила задние покои?

Его голос был таким ровным, но от него у всех похолодело внутри.

— Свидетели и вещественные доказательства налицо, дело Бяньцзи ещё не забылось, что ты ещё хочешь опровергать? — дрожащим голосом произнёс Лю Суйцзе. — Хотя во всей столице все знают, что ты, командир Се, человек императрицы, но перед железными доказательствами лучше не хитрить!

В его словах был намёк, Се Юнь странно усмехнулся:

— Старейшина Лю, ты опять говоришь чепуху... Мне слышалось, будто ты намекаешь, что и я прислуживаю императрице, оскверняя задние покои.

Лю Суйцзе задохнулся, затем разгневался и хотел сделать выговор, но Се Юнь не дал ему возможности:

— Ты только что сказал, что свидетели и вещественные доказательства налицо. Кто свидетели?

— Демон-монах прямо здесь!

Се Юнь лениво спросил:

— Монах, ты признаёшь?

Дань Чао, стоя рядом с наследным принцем, холодно ответил:

— Не признаю.

Лю Суйцзе открыл рот, чтобы говорить, Се Юнь спросил:

— А вещественные доказательства?

— Нефритовая подушка императрицы разве не прямо перед тобой?!

Се Юнь тоже не стал спорить, лишь кивнул, взял с подноса нефритовую подушку, поднёс к Лю Сюйцзе и сказал:

— Внимательно посмотри.

Лю Сюйцзе удивился:

— Что?

— Все вещи внутреннего производства имеют императорское клеймо, иначе они считаются поддельными. Но посмотри на эту нефритовую подушку — где же клеймо?

Лю Сюйцзе не сразу понял, протянул руку и указал на покрытый золотым лаком знак в углу нижней части подушки, с недоумением спросив:

— Разве не...

Не успел он договорить, как длинные пальцы Се Юня легли на этот знак и легко провели по нему.

Лицо Лю Сюйцзе мгновенно резко изменилось. Когда палец Се Юня убрали, рельефный узор на золоте был сглажен внутренней энергией!

Се Юнь с улыбкой спросил:

— Ну и где же оно, старейшина Лю?

<http://bllate.org/book/15578/1387032>